

Два слова по поводу статьи П. Е. Астафьева.

Весьма благодаренъ я П. Е. Астафьеву за его рецензію двухъ первыхъ книжекъ „Своего Слова,“ помѣщенную въ № 1 „Русск. Обозрѣнія“ за 1890 г. Его сочувственное отношеніе поддерживаетъ меня на трудномъ пути предпринятаго мною дѣла и ободряетъ къ дальнѣйшему его продолженію. Но я цѣню не одну только сочувственную мнѣ сторону рецензій г. Астафьева, а въ равной степени и ту, гдѣ онъ оспариваетъ и порицаетъ меня. Его возраженія имѣютъ такую серьезную подкладку, что сильно возбуждаютъ дѣятельность мысли къ болѣе глубокому и осмотрительному пересмотру и провѣркѣ уже выраженныхъ ея продуктовъ и тѣмъ могутъ послужить, по крайней мѣрѣ для меня, поводомъ къ высокому духовному наслажденію, когда послѣ этой провѣрки покажется, что всетаки можешь дать удовлетворительный отвѣтъ на сдѣланныя возраженія.

Если я въ настоящую минуту и не предпринимаю обстоятельнаго отвѣта на рецензію П. Е. Астафьева, то не потому, что не имѣю его, но потому, что онъ самъ собою долженъ появиться въ дальнѣйшей разработкѣ и выраженіи того міровоззрѣнія, которому начало только что положено въ вышедшихъ трехъ книжкахъ „Своего Слова.“ Объяснюсь примѣромъ. На стр. 460 г. Астафьевъ заявляетъ, что ему „совершенно не понятно, на какомъ основаніи въ „Своемъ Словѣ“ отнесены къ простому, непосредственному и

непроизводному сознанию вообще впечатлѣнія“ (или ощущенія). Вопросъ и недоумѣніе, выраженные г. Астафьевымъ, я признаю совершенно законными и подлежащими обстоятельному отвѣту. Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія міровоззрѣнія, излагаемаго въ „Своемъ Словѣ“, то, что называется чувственными впечатлѣніями и ощущеніями, играетъ совершенно *иную роль* и занимаетъ совершенно *другое мѣсто* чѣмъ то, которое занимаютъ они въ господствующихъ и наиболѣе распространенныхъ системахъ психологіи и теоріи познанія. Въ этихъ системахъ чувственное ощущеніе и впечатлѣнія разсматриваются, какъ элементы познавательной дѣятельности, а съ моей точки зрѣнія они суть продукты *не познавательной, а двигательной* дѣятельности человѣческой субстанціи. Если они и входятъ въ познаніе, то косвеннымъ образомъ, какъ *символы* или *знаки* того, что само по себѣ не только не есть познаніе, но даже и не движеніе въ смыслѣ перемѣщенія въ пространство, а въ смыслѣ перемѣнъ въ метафизической связи и отношеніяхъ субстанцій. Значитъ, наиболѣе удобными мѣстами для объясненія этого пункта моихъ воззрѣній будетъ отчасти то, гдѣ пойдетъ рѣчь о *понятіяхъ пространства, движенія и матеріи*, а отчасти то, гдѣ будетъ излагаться *метафизика связи и взаимодействія субстанцій*. До сихъ же поръ я относительно этого предмета могъ только дѣлать намеки, которые читатель встрѣтитъ и въ настоящей книжкѣ. Точно то же можно сказать и о другихъ пунктахъ, затронутыхъ въ возраженіяхъ П. Е. Астафьева. Объ однихъ изъ нихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ вновь, о другихъ же, уже изложенныхъ до сихъ поръ, будутъ сдѣланы дополнительные разъясненія, какъ, напр., это случилось по вопросу и субстанціальности нашего „я“ въ настоящей книжкѣ, гдѣ найдется кое-что, прямо относящееся къ предмету моего разногласія съ г. Астафьевымъ.

Въ заключеніе этого объясненія я долженъ сказать, что вообще я чувствую искреннее желаніе идти въ возможно большемъ *согласіи и единеніи* со всѣми серьезными представителями въ на-

шемъ отечествѣ тѣхъ философскихъ направленій, которыя, хотя, къ сожалѣнію, въ нѣсколько произвольномъ и не строго опредѣленномъ смыслѣ, носятъ названія *спиритуализма, идеализма, рационализма* и (считаю нужнымъ еще прибавить) *субстанціализма*. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ пунктѣ, къ сожалѣнію, я и вижу ту рытвину, которая главнымъ образомъ раздѣляетъ насъ съ П. Е. Астафьевымъ. Во всякомъ случаѣ, желая какъ-либо засыпать ее, я просилъ бы и его съ своей стороны способствовать этому, для чего однимъ изъ лучшихъ средствъ будутъ дальнѣйшія его *критическія замѣчанія* какъ на эту книжку, такъ и вообще на мои работы, замѣчанія, которыя всегда будутъ встрѣчены мною съ искреннею благодарностью.

А. Козловъ.